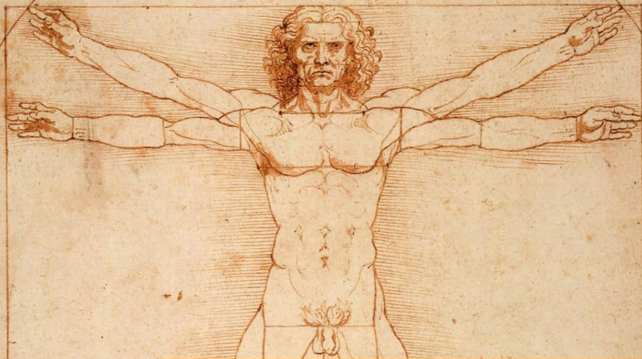

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Д.Ч.

Всё о нас..

с улыбкой и без

Д.Ч. Всё о нас... с улыбкой и без

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51401227

SelfPub; 2022

Аннотация

Это о нас. Что-то списано из жизни, что-то придумано. Где-то правда, где-то откровенная выдумка. Иногда, чтоб перестать бежать в колесе рутинных занятий, которые нам подбрасывает жизнь, стоит остановиться и посмотреть на себя, на других под другим углом. А при необходимости и посмеяться. Пофантазировать. Поужасаться и даже испугаться. Этот сборник притч, баек, былей, размышлизмов, экспериментальных рассказов и стихов. Почти легкое чтение, позволяющее остановиться, отдохнуть и задуматься....

Содержит сюжеты для лиц старше 16 лет.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вместо эпитафии:	4
Вместо предисловия	5
Где-то сказка, где-то быль...	6
Искушение Иакова	6
Сказ о богах, ангелах и мудром полковнике	14
Мстя!	19
Адово чадо	24
Открытое письмо начинающего женолюбца – женоненавистника	29
Телефонный спам	38
Резонный вопрос	40
Про каннибалов	44
Спасение улетающих	50
Шок	54
Евклид за рулем	58
Иди ко мне!	59
Облом-с	61
Поможешь?	65
Суровая баба	70
Клад старого куркуля	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Д.Ч.

Всё о нас... с улыбкой и без

Вместо эпиграфа:

Всё о нас.

С улыбкой и без.

Простой человек в литературу полез.

Не суди его строго, читатель.

Пред тобой просто писатель ...

Вместо предисловия

Байки, шутки, были, размышления и эксперименты. Именно так выглядит эта книга: надеюсь каждый найдет тут что-то , что ему понравится. Понимаю, что все понравиться не может, но что-то одно – должно. И не судите строго. Это первый мой опыт в литературе.

С искренним уважением к Вам,

Д.Ч.

P.S. Иллюстрации автора

Где-то сказка, где-то быль...

Искушение Иакова

Сотрудник N-ского отдела внутренних дел, майор полиции Бернштейн Яков Моисеевич сидел за своим столом и с грустью взирал на папку, которую не далее как пятнадцать минут назад он получил в общем отделе. Папка лежала на столе, там же ровными колоннами возвышались стопки других дел. «Вей из мир!» – Подумал он, к месту вспомнив подходящее выражение на идиш, коим так часто пользовалась его бабушка.

Грустить были причины: ровно две недели тому назад он благополучно сдал эту папку в прокуратуру на проверку. Что там было? Да обыкновенная жалоба мужика, считавшего, что любовница попросту его наколола, уведя из-под носа хорошую сумму. И вот эта папка вернулась, изрядно растолстев. Мало того, что с предписанием прокурора о восстановлении доследственной проверки, так еще и с дополнительными материалами, которые не сулили ничего хорошего.

А как все было радужно. Получив заявление в начале июля, после прочтения он просто отложил материал на самый краешек стола. Он всегда так делал, когда не хотел сразу заниматься делом, выглядевшим бесперспективным. Ну,

подумаешь, не отдала полтора миллиона по распискам. Это в суд надо. Собственно, это он и хотел порекомендовать неумемному мужику, нацарапавшему сей документ. Но для очистки совести стоило опросить участников происшествия, зафиксировать это на бумаге и – лети, папочка, в прокуратуру, а постановление об отказе в возбуждении уголовного дела – к заявителю. Поскольку заявление от «потерпевшего» есть, значит, половина дела сделана. Оставалось опросить горе-любовницу. И он ее опросил. Эффектная блондинка (правда, крашенная) поведала, что это просто месть за то, что она ушла от него. Расписок не было, и даже суд в своем решении написал, что долг погашен. А если такое суд написал, то на фиг ему тогда и направлять запрос в суд? Да и вообще – баба с возу (в смысле заява прикрыта) – менту легче.

И вот – на тебе!

Он открыл папку, и увидел то, что боялся увидеть. Ровной стопкой, прошитые, лежали копии из материалов судебного дела. А сверху гневное (по своей сути) предписание районного прокурора. Полистав материалы, майор стал изучать их.

А блондинка-то не так проста, как казалось. В разводе. У мужа свое семейство уже. Судились из-за квартиры, на которую... Твою дивизию!... Она брала в долг деньги у этого мужика – заявителя. Бывший муженек под протокол заявил, что «не исключает этого, а деньги при нем передавались». Это ж надо было так опростоволоситься... Яша, ты – шлимазл. Шана това не для тебя. Так, экспертиза... Хех! Распис-

ки-то – липа. Дальше, показания этого займодавца... ага. Ясно. Суд первой инстанции решил. Что он там решил? Пардон... а где про расписки в решении? Ах, вот оно где... Так это же фигня на свином сале. В описательной части. Всего лишь! Смотрим дальше. Апелляционное определение от ... м-да. Теперь жалоба.

Яков Моисеевич взял в руки два листка белой бумаги, на которых шрифтом Arial Narrow десятым кеглем было написано такое, что волосы на всем теле встали дыбом, а в довершение ледяной пот прошиб бедного полицейского от пяток до макушки.

В этот момент сработала напоминалка в смартфоне. Ах да, чуть не забыл. Вчера заявитель напросился на встречу. Как будто знал, подлец, что сегодня Якову принесут этот кошмар. Встреча через 30 минут.

Яков Моисеевич, хоть и был человеком относительно неверующим, закрыл глаза, мысленно одел тфилин на руку и голову, и, тихо, почти про себя, начал читать молитву.

«Шма Йисроэйль: Адойной Элойһейну – Адойной эход!

[Борух шейм кэвойд малхусой лэойлом воед]

Вэоһавто эйс Адой-ной Э-лой-һэхо, бэхол лэвовхо увэхол нафшехо увэхол мэойдэхо: Вэһойу һадворим һоэйлэ, ашер онойхи мэцавэхо һайойм ал лэвовэхо: Вэшинантом лэвонэхо вэдибарто бом, бэшивтэхо бэвэйсэхо увэлэхтэхо вадэрэх, увэшоһбэхо увэкумэхо: Укшартом лэойс ал йодэхо, вэһойу лэтойтофойс бэйн эйнэхо: Ухсавтом ал мэзузойс бэйс-

эхо, увишьорэхо...»

Тянуть нараспев слова древней молитвы, не раскрывая рта, было просто и приятно. Однако дело, лежавшее перед майором, смазало последние слова молитвы, окончательно испортив и настроение, и душевное спокойствие, которое дарила молитва. «Успокойся, Яша. В свои пятьдесят ты не иди-от. Просто все неудачно сложилось».

Надо было подготовиться к встрече. Хотя какая тут встреча – в без того грустных глазах Якова Моисеевича, добавилось еще с полтонны еврейской печали. Полчаса пролетели быстро и незаметно.

Ровно в назначенное время дверь в кабинет открылась, и в него вошел заявитель. В меру стройный, в меру седой, далеко не старик. «Такие всегда бабам нравятся», – почти с завистью подумал майор. Посетитель сел на стул и устался на Якова Моисеевича. Бернштейн, в свою очередь, опустил глаза на злосчастную папку и с полминуты смотрел на нее. Потом, не поднимая глаз спросил:

– Скажите, вы специально хотите меня доконать?

– В каком смысле?

– Вот материал вернули мне...

– Я, так понимаю, по моему заявлению.

– Вы очень верно понимаете.

– И что?

– Вы не хотите забрать его? Или написать отказ?

– Нет, такого желания нет и в помине.

– Но вы же понимаете, что я напишу отказ в возбуждении уголовного дела?

– Прекрасно понимаю. Равно как понимаю и то, что этот материал стоит на контроле в прокуратуре. Скажите, вам что, так нравится, когда вам прилетает по затылку от руководства? Вы хотите быть крайним в этом деле?

– Позвольте, вы о чем?

– Как о чем? О вас. Вот, допустим, что вы написали очередную отказ. При наличии вот этих документов. И что будет? Материал вы, несомненно, отправляете в прокуратуру на проверку. Ведь так?

– Да, все верно...

– И что вас ожидает при таком раскладе?

– Ну, как что? Очередная плюха из прокуратуры.

– И вам нравится такое садо-мазо?

– Вы на что намекаете?

– Ни на что! Просто, грешным делом, предположил, что вам доставляет удовольствие постоянное унижение и плюхи от начальства. Ведь помимо прокуратуры вас еще постарается отыметь и ваше начальство. Вот тут возникает вполне закономерный вопрос: а оно вам надо?

Яков Моисеевич, задумчиво почесал подбородок с суточной щетиной, прикинул и так, и этак, посмотрел на посетителя и задал вопрос:

– И шо вы мне хотите предложить? И за какие коврижки я тут буду растягивать мою радикулитную спину?

– Ничего противоестественного я вам предлагать не стану, – начал посетитель. – От вас потребуется всего лишь исполнить свой долг.

– Супружеский? – Внезапно ляпнул Яков Моисеевич.

– Ну, если вы, пардон за пошлость, любите, чтоб вас любимое начальство натягивало по всякому поводу, то тогда да.

– Ой. Простите, что-то не то сказал...

– Да, уж.. Каламбурчик вышел как у Ржевского, но хуже.

– А вы продолжайте, я слушаю.

– Долг надо выполнить служебный. По должности. Возбудить уголовное дело.

– Так! Стоп! – Наконец более твердым голосом сказал Яков Моисеевич. – И что? Я возбужу это дело из-за каких-то гребаных расписок? А тот факт, что в суде еще одно дело есть, это, по-вашему, не основание прикрыть эту лавочку?

– Отнюдь нет! Вы хоть читали иск по новому делу? Или опять со слов ответчицы?

– А вот тут попрошу не напоминать о моих промахах.

– И все же.

– Да, я читал.

– Значит, вы прочитали, что там требование о возврате денег. А не о признании факта мошенничества в особо крупном размере, да еще и группой лиц по предварительному сговору?

– Э-э-э, позвольте. Какой сговор?

– Между бывшими супругами, конечно.

– Где? – Старательно изображая возмущенную невинность, со сталью в голосе, сказал Яков Моисеевич.

– А вы откройте мое заявление, – и посетитель начал подробно излагать суть жалобы, которую Яков прочитал около полчаса назад. Открывать не пришлось.

Мужик излагал все обстоятельства дела доходчиво, ясно. Можно было сказать, что он излагал их так вкусно, что будь это описание какой-то еды, то у бедного Якова потекли бы слюни, как у младенца, у которого режутся зубки. Терпила убеждал Якова сделать то, что было противоестественно для Бернштейна в сложившейся ситуации, неприемлемо по своей сути. Но терпила это делал как заправский дон Жуан, который обольщает очередную донну Анну. И надо признать, делал он это небезуспешно. Бедный Яков все больше и больше поддавался искушению выполнить просьбу этого обольстителя... В фигуральном смысле, он был готов отдаться этому соблазнителью невинных полицейских душ... «Яшенька!» – кричала полицейское ratio, его ментовское, ОБХССное alter ego, – «Держись, шлимазл ты этакий! Он бес – искуситель! Он тебя погубит!». Но этот голос плавно затихал под убаюкивающие сознание и разум речи обольстителя...

Бернштейн кивнул в знак согласия и тяжело вздохнул.

– Ладно, я понял вас. А что мне от этого будет в смысле на пощупать?

– На пощупать? Ну что ж, на пощупать у вас будет не ваша головная боль, отсутствие взыскания по службе за данное

конкретное дело и – возможность забыть меня и это дело, как ночной кошмар.

Бернштейн задумался.

– Да и подумайте сами, – продолжал искушать терпила, – лишняя положительная «палочка» в вашу копилку лишней не будет. Ну? Выбирайте: плюхи или плюшки. Третьего не дано.

Яков колебался. С одной стороны, «на пощупать» у него ничего материального не выходило в данном деле. И отказать всегда много проще, чем потеть и пыхтя сочинять постановление о возбуждении уголовного дела. С другой стороны, как ни крути, но «палка»! Плюсом может быть и премия за качественную отработку прокурорского подзатыльника. Тем более, терпила-то все сам расписал, делать ничего не надо. Просто берешь его текст, меняешь ряд формулировок, добавляешь протокольные фразы, и – вуаля! Кроме того, никто не требует от Якова договора, подписанного его, бедного-несчастливого, кровью...

И Яков поддался искушению...

P.S. Спустя полтора часа после ухода терпилы, Яков Моисеевич задумчиво посмотрел на теперь уже папку радости и подумал: «Вот оно как вышло... Я так и не понял: и кто из нас двоих получается еврей?...»

Сказ о богах, ангелах и мудром полковнике

Как известно, в России со времен СССР, каждый год 2 августа группа граждан одевает тельники и голубые береты и начинает праздновать день ВДВ.

История эта случилась в 2005 году. Так вышло, что группа таких вот граждан тоже «праздновала» в центре Новосибирска и проходила мимо какой-то летней кафешки (на Советской). Она была оформлена как, скажем так шатер, поэтому тех кто там находился видно не было. Дело было под вечер. За столиком в летнем кафе сидел полковник с петличными знаками артиллерии на погонах. Фуражка на стуле. На столике – немудреная закуска из картошки с мясом и графинчик белого столового хлебного вина. Проходя мимо этой кафешки группа граждан в тельниках решила зайти туда. Первым туда вошел молодой безусый парнишка, огляделся и сообщил во всеуслышание следом заходившим его товарищам: «Почти никого, только какой-то чмырь сидит!».

Полагаю не стоит напоминать, кого десантура называет чмырями.

Полковник, услышав эту фразу, поднял глаза на вошедших, а вошедшие оторопело встали и попеременно смотрели то на полковника, то на молодого горлопана. Напряжение в воздухе явно нарастало, и было даже слышно как трещат

маленькие разряды.

«Ну-ка, боец, подойди сюда, будь добр», – без злобы и спокойно сказал полковник.

Горлодер нехотя и осторожно подошел к столику. Остальные тоже решили подойти к столику, но ооочень осторожно.

«Давай-ка, боец, разберемся, кто тут кто. Не против?» – сказал полковник и попросил перепуганную девушку официантку принести еще один стопарик.

Молодой, выпучив глаза, молча кивнул.

«Вот ты меня чмырем назвал. Я правильно услышал?»

«Да», – нехотя проямлил молодой.

«Товарищ полковник, простите этого балбеса, ведь не понимает что сам несет», – попытался вступить за товарища седовласый усач в немного потертом и со следами ожогов берете.

«Да чего уж там. Мне ваши обзывалки хорошо известны. Да только я не обидчивый, но зануда. Поэтому давай разбираться. Ты в каком звании службу закончил, боец?» – спросил седого десантника полковник.

«Старшина», – отвечал тот.

«Ну, вот по званию я к тебе и буду обращаться. Теперь скажи мне, как вас, десантников называют?»

«Десантура, ВДВ»

«Хорошо. А еще как? Только поэтичнее»

«Ну, небесная пехота..»

«А еще как?»

«Хм... Ну, еще боевые ангелы...»

«Во! Боевые ангелы! В самую точку. А как мой род войск называют?»

«Артиллерия, бухачи, гренадеры, бомбардиры...»

«А еще как? Также поэтично изобрази, напрягись, вспомни».

«Э-э-э...кажись Боги войны...»

«Во-о-о-о! Именно, что боги войны. А теперь, старшина, скажи, в чем разница между богами и ангелами?»

Старшина задумался и не нашелся, что сказать.

«Молчишь? Тогда я тебе скажу в чем разница: а разница в том, что ангелы во все времена были в услужении у богов», – с усмешкой произнес полковник – «а ,следовательно, уж коли вы ангелы то вы у нас богов на побегушках. Дело вы свое, честно говоря, знаете крепко, но заносится не стоит А по се-му, давайте-ка бойцы выпьем за взаимопонимание и дружбу богов и ангелов », – сказал полковник и налил в стоявшие на столе два стопарика белой.

«Чего стоишь, кого ждешь?» – спросил полковник молодого горлодера когда поставил графинчик на стол – «Бери»

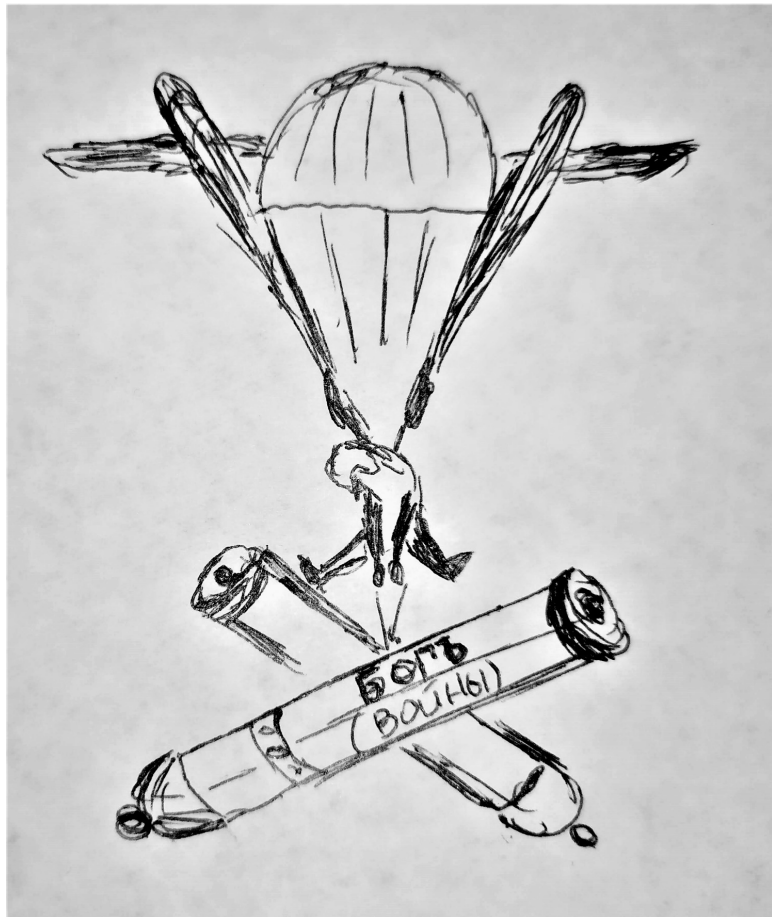
«Не почину и не заслужил», – ответил за молодого седой старшина и отбрал у горлодера стопарик.

«Ваше здоровье, ангелы!» – произнес полковник и выпил.

«И вам богам не кашлять!» – весело ответил старшина, выпил, занюхал беретом , а одевши его на голову, отдал честь

полковнику. Все десантники также отдали честь полковнику. А потом старшина обернулся к молодому и спросил: «Теперь ты понял, кто тут чмырь, олух?»

Дружный хохот огласил летнее кафе на улице Советской в городе Новосибирске 2 августа 2005 года.

Мстя!

Суббота... Утро... Десять часов. Люди спят – молчите, петухи.

Я лежу в кровати, укрывшись одеялком под самый подбородок. Тепло. Приятно. Одеялко ласково согревает меня. Как же хорошо лежать, закрыв глаза, и наслаждаться утренней дремой.

Так... не понял... что это за заунывное жужжание? Блин, опять этот ... начал свои пляски.

Сейчас минут двадцать будет пребывать в нирване медитативной, вонять своими палочками, потом проорет что-нибудь соответствующее сегодняшнему дню и начнет: топ-топ, шлеп-шлеп. И на часов пять. И ведь никакие уговоры на него не действуют – просил же, мол, сделай звук тише. Я готов «топ и шлеп» терпеть, но без этой «музыки». Знаете, что он ответил? Что я ретрогад (именно так), что я притесняю его свободу отправления религиозных убеждений (где он только такую формулировку откопал), что музыка эта сакральная (ну вот откуда он, обычный газосварщик со средним образованием знает такое слово) и помогает ему настроиться на одни вибрации с кришной... Твою.... Один раз я послал его на х.. хаус. Нет серьезно, взял свои советские колонки «Комета» (любые импортные нынешнего производства уделают на раз) привел друга диджея, сказал ему, что на два часа моя

квартира в его распоряжении. Он может заниматься тренировкой к вечернему сейшену. Какой я был наивный...

Когда я пришел, то с удивлением отметил, что этот кришнаит, подстроился под ритм DnB моего друга и колбасился, распевая свои мантры. Серьезно, в промежутках, когда мелодия стихала и звучала партия ритм-барабанов, было слышно как он своим громким и (надо отдать должное) красивым голосом выводил что-то про харю. В ритм. В мелодию. Я только развел руками... Правда, после этого, двадцать суровых пенсионерок возраста «столько не живут» меня чуть не угробили. Мол, от этих бешенных плясок у них люстры чуть не попадали, телевизоры отплясывали на тумбочках, а в особо драматические моменты – сердце прихватывало. Поскольку барабанные партии напоминали им их бурное пионерское прошлое, а в это время кришнаит подвывал особо жалостливо. Я тогда решил не давать повода больше грозным блюстительницам порядка в отдельно взятом доме.

Ладно... встаю, встаю... сейчас чайник поставлю, яичницу со свининкой приготовлю на завтрак. Кстати... вовремя вспомнил. Хотя, если честно, идея провальная... Натравить на кришнаита нашего правоверного иудея Шлёму. Нет, зовут его Шмуэль. Но все его не иначе как Шлёмой кличут. Живет через стенку. В соседнем подъезде. Я тут месяц назад в субботу решил каждые пять минут орать «БрахА». Какой же слаженный многоголосый хор мне отвечал «Амэн».

Правда в воскресенье Шлёма подошел ко мне и сказал,

что своими криками я ему вчера весь миньян порушил. Весь шаббат в одно место. И если я еще раз так сделаю, то он не поленился восстановить Храм Соломона, невзирая на протесты палестинцев и мусульман мира, и принесет там на жертвеннике жертву всесожжения. Догадываетесь, кого он назначил в жертвенные бычки? Он мужик хороший. И сосед не плохой. Но не стоит его бесить. Поверьте, он что скажет, то и сделает. Так что, рисковать не стоит.

Ну, вот... затянул свои мантры. Блин... опять что-то про харю блеет. Точно, я за «харю» дам по харе. Так ведь не поможет.

Етишкин аккордеон! Он там явно не один! Это уже не «топ-шлеп»! Это уже «хряп-бабах»!

–Алло! Полиция! Да, хочу вызвать наряд!.. В каком смысле?... А! Нет, у меня сосед сверху устроил шабаш кришнаитский. Такое ощущение, что сверху бегемот камаринского отплясывает под заунывные индусские мотивы!... Да какое...! Они же мне весь потолок к псам обвалят, люстра сейчас хряпнется!... Нет.. Нет, говорю, трупов нет... В смысле? ... То есть звонить, когда появятся?.. Вы че там, охренели? Вы исполнять свои обязанности собираетесь? ... Я не хамлю... Да у меня сейчас потолок обвалится и меня придавит!... Звонить когда меня придавит?.. да, пошли вы...

Положив трубку я стал лихорадочно ходить по комнате и думать. Нет, прав Костя Кинчев, пришло время доставать обратно косуху и черную футболку с надписью «Правосла-

вие или смерть!»

О! а ведь точно!

–Алло! Отец Николай, благословите!.. и вас храни Господь! Я по какому поводу звоню... Вы не могли бы отслужить у меня ектению дома?.. об избавлении дома от безверия и язычества? ... О здравии в том числе!... во сколько? Как вам будет удобнее...Хорошо... все подготовлю!.. И вас храни Господь!

Теперь, финальный аккорд...

– Салам, Исмаил-хаджи... Да, хвала небесам, вашими молитвами... Вопрос есть...Да... Нет.. нет... Не о том, но потом обсудим. Вопрос вот в чем: ты как к людям Писания относишься?... А к язычникам?.... Тут такая тема: после нашего богослужения у меня дома, ты сможешь организовать со своими братьями во дворе зикр? Да.. Именно... Порядок оставите?.. Нет, я с полицией договорюсь... И церберш наших осадим с отцом Николаем.... Хорошо.... После полудня!

#@ !!!
ХАРЯ! ТВОЮ!!!

АДОВО ЧАДО

Смех смехом, а наш кришнаит-любитель всё-таки внял нашим настойчивым просьбам. Особенно после такой мас-сированной атаки со стороны православных, мусульман и да-же одного иудея. Шлёма пообещал, что если он не предпри-мет хоть что-нибудь, он позовет своих друзей хасидов и со-вершит обряд призвания Небесного Огня на голову отпрыс-ка Хама. Как я говорил, Шлёма умеет убеждать. После этого наш кришнаит за неделю превратил свою квартиру в звуко-изолированный бункер. И настала благословенная тишина. Но наслаждались мы ей недолго...

– Мааааамааааааа! – разбудил меня вопль неразумного от-рока под окнами.

– Что там ещё, – пробурчала жена, которой по утрам вста-вать и так сложно, а 06:30 так и вообще сродни зомбиапока-липсису.

– Мааааамаааааааа! Мааааамаааааааа! – проорали под ок-ном снова.

Жена всю жизнь прожила на втором этаже, я с родителя-ми жил на втором этаже, и соответственно после бракосоче-тания и принятия решения об отдельном проживании наша ячейка общества тоже живёт на втором этаже. Не выше и не ниже.

– Маааааааааааа! – снова донеслось из-за окна.

«Убивают его что ли?» – подумал я и вытек из-под одеяла.

В этот момент загадочная мама видимо показалась в окне, потому как отрок возопил как труба иерихонская:

– Мааам! Я мороженого хочу! Скинь денег!

В моей голове мелькнуло: «Какое, к чертям собачьим мороженое в половину седьмого утра?»

За окном обнаружилось чадо лет десяти на велосипеде.

Стоя на балконе я взглядом пожирал это адово отродье.

«Да чтоб тебя... Не приснилось» ...

Мимо просвистел пакетик с мелочью, гулко шлепнулся на дорожку, недоросль уронил велик, поднял пакетик и, звеня в звонок, укатил в рассвет. Ну на самом деле с учетом белых ночей за окном солнце уже в 3 утра. Но для красного словца сформулируем «в рассвет».

Я улёгся обратно, натянул простыню и начал досыпать законные полтора часа до подъема. Наивный... Ага, а вот фигу вам!

– Маааааааааааа! – раздался вопль через 10 минут. – Маааааааааааа!

Да что ж такое етить твою за ногу через косяк! Да чтобы ты подавился, бесёныш, этим мороженым.

– Маааааааааааа! «Перекресток» ещё не работает. А я мороженого хочу.

Ну, парень, это как-то не моя проблема... Вот уж загадка так загадка – вставать или вставать? Убить или убить? Обь-

яснить этому...его родословную вплоть до доисторических времен и прямую связь его рода с ослами?

Я нервно повернулся под одеялом на другой бок. Не помогло. Прибью...

– Мальчик, – раздался вкрадчивый голос алкаша Валеры со четвертого этажа.– А, мальчик, – Валера явно был с похмелья и тщательно выбирал из своего словарного запаса всю обсценную лексику. То есть, не матерился – Что ж ты орёшь так рано под окном?

– Я мороженого хочу.

– Ну так езжай к Ленте (это минут десять езды на велике), это же круглосуточный магазин.

Ну-ну.. конечно, кому как не тебе, старому алконавту, знать круглосуточные магазины в городе, подумал я и недобро ухмыльнулся. Надо сказать, что наши соседские отношения с Валерой строились на уважении и силе. Я его не убиваю, он меня уважает и не бесит. А также не предлагает выпить. Или не клянчит чирик до получки. Угу... получка... У него её отродясь не было. Соблюдай эти правила, и все будут всегда довольны.

Звонок звякнул и адово отродье укатило опять. Между тем прошло 30 минут, за которые я успел заснуть.

– Мааааамаааааа!-

– Да что ж это такое! – пробурчала жена, запихивая подушку себе в уши.

– Маааааааааааа! Маааааааааааа! Там мороженое дороже, мне не хватает!!!

Вот же ж мелкий рэкетир, подумалось мне, пока я одевал шорты. Спать категорически перехотелось. Хотелось взять в руки ремень или что потяжелее.

– Мальчик, ты олигофрен? – поинтересовалась какая-то женщина из соседнего подъезда. – Что ты делаешь на улице в шесть утра?

– Мальчик, я ща выйду и добавлю тебе так, что мороженое тебе придётся прикладывать к жопе, – предупредил Валера. Надо признать, столь длинная фраза без мата звучала от него более угрожающе, нежели более привычный его лексикон – "я тебе, пи...ку, шас е..ло расшибу, а ну съе...л отсюда на х..., говно ё...ое».

В этот момент мимо просвистел второй мешочек с мелочью, ситуация с падением велика повторилась, и мальчик поспешно крутанул педали в сторону магазина.

Дальше – тишина...

Это было в пятницу.

А вот субботнее утро началось с...

– Маааааааааааа! – разбудил меня крик в шесть утра. Противная чайка вернулась под окна. Да шоб ты усрався и воды не було!

– Маааааааааааа! Я пить хочу, скинь воды в бутылке.

– Маааааааааааа! – заверещала сирена через минуту, ибо стало понятно, что это чудовище на велике воды от мамани

Открытое письмо начинающего женолюба – женоненавистника

Мои дорогие женщины.

Не подумайте ничего плохого, я вас люблю всех. Если честно, то моя любовь к вам всеобъемлюща. Однако стоит признать и тот факт, что при всей моей любви к вам, есть такие вещи, от которых у любого нормального человека крыша может съехать по фазе конкретно. Одна из них – ваше поведение в общественном транспорте.

Что уж скрывать, общественный транспорт – место сосредоточения самых неожиданных, курьезных, а, порой, и скандальных ситуаций. Что самое удивительное, в этих ситуациях вы принимаете самое непосредственное и живейшее участие. И, поверьте, порой вас очень сложно понять.

Вот простой пример: рабочий день в разгаре, рейсовый автобус. Маршрут из одного конца города в другой. Свободные места есть хоть «сидячие», хоть «стоячие». Раздолье. На третьей или четвертой остановке от конечной (или начальной... даже не знаю, как выразить это), в автобус заходит дама (не важно пока какого возраста) и... прилипает к поручню у самых дверей. Прилипает намертво. Как будто руки перед этим смазала моментальным клеем. И прилипает так, что проход перед дверью перегораживает, и тем мешает и входящим, и выходящим. На скромное и робкое предложение «Вы

пройдите в салон. И вы мешать не будете, и вас дергать не будут» возможны несколько вариантов ответа. Дамы юного возраста, от 15 до 25, могут улыбнуться и пройти. А могут и ответить: «Не инвалид, обойдешь». Более взрослые дамы, этак от 25 до 35-40, смерят вас презрительным взглядом и, не удостоив ответом, будут стоять там, где встали. В худшем случае тебе будет указано, что ты дурак, и не твое собачье дело. «Где хочу там и стою».

Дамы от 40 и старше поступают по-разному.

Пример номер один: Дамы с, видимым невооруженным взглядом, чувством собственного достоинства размером с Якутию, которое они несут, как африканки свою пятую точку, ответят, не опуская головы, носа и взгляда, что в салоне нет места для них (и я так понимаю их чувства собственного достоинства), обзовут тебя хамом, и начнут укорять тебя и поминать твоих родителей всуе, мол, плохо воспитали, мог бы и место уступить (Где?! В почти пустом автобусе?)

Пример номер два: особую категорию представляют дамы с тележками. Таким тележками, а-ля сумка с металлической ручкой и на колесах от детского трехколесного велосипеда. Они, кстати тоже делятся на две категории. Первые ставят свои тележки рядом с собой, и теперь не только дама, но и ее багаж плотно блокируют вход (выход) в автобус. На предложение пройти в салон, изрекший сие рискует услышать о себе много такого, чего он и сам не знал. Кроме того, ему, в доступной форме, поведают еще кое-что, после чего у про-

сившего есть великий шанс сильно посомневаться в добропорядочности своих родителей, бабушек и дедушек, а если повезет, то и прочих родственников.

Вторые же, после просьбы пройти в салон, находят нужное укромное местечко, куда можно поставить свою тележку. Обычно там уже кто-то стоит. И вот начинается суета: дама, не взирая на протесты стоящего, на вопли прочих пассажиров, по ногам которых едут колеса этой тележки (а эта тележка обычно еще и забита под завязку и тяжела аки грех), со словами «Дайте я поставлю тележечку, а то там кому-то она мешает», пытается запихнуть свой багаж в интересующее ее место. В ходе отдавливания ног прочих пассажиров, дама, возможно, извинится, но это извинение будет таковым, что будет казаться, что она делает вам огромное одолжение извинившись. А вы должны быть рады, что ноги, пока еще, целы, и вам принесли извинения. В случае провала попытки впихнуть этого багажного монстрика в желаемое дамой место, в адрес неуступчивого стоящего будет высказано много неудовольствия, лейтмотив которого «Какой плохой, обидел тетеньку». В конце концов, дама сядет на кресло, расположенное рядом с площадкой для колясок и инвалидов (либо место будет свободно, либо ей уступят, чтоб она замолчала – наивные. Молчать она не перестанет). Тележка будет поставлена у стенки, но так, что независимо тормозит ли автобус, набирает ход или поворачивает, этот багаж с завидным постоянством или будет падать на пассажиров, на их ноги,

или уезжать от хозяйки, попутно придавливая всех не успевших увернуться. Финальным аккордом данной «эпопеи» будет выход дамы на нужной ей остановке, когда, уже вытаскивая свою тележку, она разворачивается и бросает «Как вам не стыдно!» Интересно, за что должно быть стыдно всем пассажирам?

Пример номер три: итак, она вошла. Она приклеилась к поручню у входа. Она вежлива и улыбочива со всеми. Но на просьбу пройти в салон, мило улыбаясь, отвечает вам: «Ой, да мне скоро выходить». И это скоро наступает на конечной остановке маршрута, куда автобус (троллейбус, трамвай или большая маршрутка со стоячими местами) едет, минимум, минут сорок – пятьдесят.

Вариации поведения в расписанной с поручнем ситуации возможны, но типовые – перед вами.

Далее рассмотрим категорию «ТЕТКИ». Некоторые из них просто «ТЕТИЩИ».

Как правило, это дамы в возрасте от 30 и, примерно, где-то до 60. Узнать их не сложно. Как правило, они имеют весьма габаритные размеры (хотя встречаются и тощие экземпляры), неухоженные, часто злые, недовольные всем и вся, здесь, сейчас, и вообще...

Тетки, вливаясь в автобус (далее по списку), оглядывают взглядом Штирлица салон и, выбирая очередную жертву необоснованного террора, готовятся к прыжку. Как правило, тетки любят играть в игру под названием «убью за сидя-

чее место». Но не обольщайтесь. Этой игрой они, обычно, не ограничиваются, и их несправедливое негодование может перекинуться и на достаточно безобидные вещи, такие как: еда (включая безалкогольные напитки), поцелуи в транспорте, перевозка крупных вещей или животных, макияж (или его отсутствие), громкая музыка в наушниках, негромкая музыка у водителя в кабине, вызывающий вид (ну с их точки зрения), как в прочем и все, что угодно, на что зачесется их левая пятка. Торнадо по имени «Тетка» обрушивается на жертву внезапно, без предупреждения: на голову несчастного (несчастной) вываливается цистерна словесного поноса, в котором высказывается теткино мнение о вас, о ком либо еще. При этом рев тетки по своей силе может запросто заглушить шум Ниагарского водопада, ибо говорит она как можно громче, чтобы все слышали. Задавая вам какой либо вопрос, тетке абсолютно без разницы, какой ответ она от вас услышит. Запомните: она уже заранее приготовила ответ, и он всегда (ВСЕГДА!) не в вашу пользу. Особую радость торнадо «Тетке» доставляет возникновение дополнительных локальных торнадо классов «тетка», «тетушка», «тетища», «базарная баба», с которыми она может как вести совместную атаку на бедную жертву, так и отдельные боевые действия против них. Тетка от этого получит невероятное удовлетворение, близкое к оргазму, и поспособствует повышению её чувства собственного превосходства. Салон покидает это стихийное бедствие с гордо поднятой головой и чув-

ством исполненного долга (хотя, я так до сей поры не понимаю, в чем он состоит).

Подвидом «Тетки» является более распространенный вид «Базарная баба» (далее – ББ). Входя в общественный транспорт, ББ первым делом оттопчет вам ноги или отдавит своими непомерными сумками, коих она тащит с собой не менее трех (если их меньше – перед вами подвид ББ – «базарная бабочка»). Кроме того за плечами у нее жутких размеров рюкзак, которым она сносит окружающих при любом повороте ее корпуса. Жалкие попытки возражать против такого положения вещей, не заставят ББ даже извиниться. Максимум – «Он тяжелый, я его еле одела, а снимать уже мочи нет, ничего, не убила же, ты молодой-здоровый, а уже хамишь..» и т.д. Эта пулеметная очередь не связанных логикой между собой фраз не прекращается даже после того, как ББ отвлеклась от возражавшего и перекинулась на кого-то еще. При этом она будет громко охать, жаловаться на все вокруг, и говорить, говорить, говорить. Не важно, о чем. Не важно, слушают ее или нет. Не важно, какие разрушения она приносит своим появлением. Дальше идет любимая игра теток – «убью за свободное место» с вариацией, которая заключается в том, что тебя не только обхамят, придавят действительно адски тяжелым рюкзаком, но и сядут в освобожденное от тебя место, не снимая рюкзака. И при этом она говорит, говорит... а дальше все как у теток. Только злее, агрессивнее и визгливее.

Особый интерес вызывают гражданки – полуторки. То есть те, что независимо от комплекции норовят или фактически занимают полтора сидячих места. С наскака, лобовой атакой их не взять. Поскольку рискуете встретиться с дремлющей в полуторке теткой. Самый простой способ заставить ее принять нужное положение и соответствующее пространство в 1 сидячее место – сесть рядом и тихонько ерзать на месте, незаметно спихивая ее на ее же место. Обычно через 10 минут такого ерзания она уходит с оккупированной половинки.

Далее идут «бабушки» и «бабки». Как показывает практика, бывают утренние, обеденные и вечерние. Они есть постоянно, исключая время с десяти вечера и до пяти утра. Эта особая категория дам, которые всегда куда-то едут. Причем с самого раннего утра. Не стоит обращать внимания на их кажущуюся хрупкость, ибо даже когда транспорт бывает весьма переполнен, для того, чтобы попасть туда они будут пробивать себе проход локтями, ногами, палками, костылями, протезами, и даже вставной челюстью (если они таковой обладают). Тут вы сразу поймете, насколько правдив анекдот про «Мужчины осторожнее! Берегите яйца!», поскольку пострадать от их натиска могут не только ваши тестикулы, но и многие другие члены вашего тела. А что происходит в случае, когда освобождается место! Такого шоу вы не увидите нигде: распахивая всех вокруг всем, чем можно и нельзя они летят сквозь толпу. Летят они так, что, возможно, сам

Шумахер на его болиде позавидовал бы. Бабки всегда имеют при себе какой-нибудь балласт. И этот балласт больно ударит вас, как бы вы не старались увернуться. Кроме того, независимо от того, ехать им одну остановку или десять, эти создания «эфира» все равно попросят себе место. Некоторые вежливо: «Уступи бабушке, ноги больные», а некоторые и не очень: «Ишь расселся, молодой, постоишь... и бла бла бла». Особо стоит отметить поведение бабок в метро. Нет, не в час пик, а тогда, когда в вагоне почти пусто. Вы сидите на сидении в одном углу. В вагон заходит бабка и цепким взглядом находит вас и идет к вам. Со словами «Расселся тут, бабушке старенькой места не уступит...» она легким движением бедра отправляет вас из одного конца сидения на другой. Тот факт, что вы имеете риск столкнуться с другими пассажирами в момент такого вынужденно-принудительного перемещения, бабку несколько не смущает. Это при том, что большая часть сидений пустует. Далее, независимо от того, в каком виде общественного транспорта все происходит, начинается театральная часть пребывания бабки в салоне: вы становитесь невольным слушателем рассказа на тему «Ох уж эта молодежь», где главным персонажем является не собственно молодежь, а, в первую очередь, вы, даже если вам 40 лет. В отличие от прочих граждан и гражданок, пользующихся общественным транспортом, от бабок, как правило, часто пахнет лекарствами или еще чем-то не совсем съедобным. Часто они источают тончайший «аромат» чеснока с луком

(для профилактики). Кроме того, они никогда не стесняются высморкаться, кашлянуть либо громко испортить окружающий воздух. Летом они просят закрыть форточку, даже если в транспорте температура как на поверхности солнца, а в вагоне метро – жуткая духота как в бане. Они сидят до последнего, и когда диктор объявляет о том, что двери закрываются, с диким воплем ужаса срываются с места, нанося ранения и контузии окружающим как своим криком, так и балластом, и несутся к выходу. В результате, водитель получает пару десятков нелестных эпитетов в свой адрес, не меньшее количество проклятий, и если двери не выносит, как пушечным выстрелом на улицу, то они получают жуткие повреждения, после которых транспорт признается нуждающимся в ремонте. Пассажиры медленно приходят в себя. Последствия таких контузий и ранений пройдут, в лучшем случае, на следующий день.

Милые дамы. Несмотря на все перечисленное выше, я вас люблю. Не любить вас сложно. Была бы моя воля, я бы каждому мужику присуждал гаремы в качестве награды. Ибо мне одной женщины мало, двух много, а много – в самый раз!

Телефонный спам

Сижу в кабинете. Тржусь, аки негра полосатая (в смысле исполосованная) на плантации какого-то там Джорджа, нашего, Вашингтона. Ибо пыхтеть в кабинете на пятерых над иском о возврате аванса по арбитражному делу – труд ащкий. Особенно, если учитывать, что заказчик, тот ещё жучара, и половину информации утаил. А когда всё всплыло, меня в суде, несмотря на духоту в зале, заморозило до костей. А еще постоянные звонки по корпоративному телефону, у которого звонок, такой же, как и у меня. Ну, забываю я поменять! Или времени нет, или сил.

Сижу. Печатаю. Чувствую, нащупал ниточку к положительному исходу дела. Вошел в раж и строчу, строчу, строчу.

Звонок! Хватаю корпоративную трубку и пытаюсь понять, почему экран черный, а звонок идет. Со скрежетом в мозгу, до меня доходит, что звонят мне на личный номер. Банк. В котором у меня карта расчетная. Тыкаю, не глядя, на ответ по громкой связи. Бодрый и нагловатый голос юноши в возрасте от 18 до 25 врывается в трудовую тишину нашего кабинета:

– Добрый день! Александр Петрович, вас беспокоит Евроамерокредитодebetобанк. У вас найдется минутка для беседы.

– Молодой человек, давайте быстрее, что вы хотите?

– У нас для вас есть выгодное предложение. Наш банк готов предоставить вам кредит на выгодных условиях. Сейчас я вам их оглашу!

– Мне ничего не нужно., я с кредитами завязал.

– Ну как же, такие выгодные условия.

– Ага, берешь чужие, а отдаешь свои. Да еще и с процентами.

– Что вы, у нас проценты именно для вас снижены ниже учетной ставки!

– Я отрицательно отношусь к этому вопросу.

Секундное замешательство на том конце провода, и:

– А что, был печальный опыт?

Тут я замолчал на секунду, выравнивая дыхание от непомерной наглости и апломба моего телефонного визави. Взяв себя в руки, задаю встречный вопрос:

– Молодой человек, как вы относитесь к сексу с мужчиной?

– Отрицательно! – с обидой в голосе отвечает нагловатый тип из банка.

– А что, был печальный опыт?

Трубку бросили.

Бабах! Грохот и сотрясающий стены хохот коллег длился долго. Но ведь, сбил же меня с мысли, зараза этакая!

Резонный вопрос

Среди моих родственников и друзей есть и те, что относятся к одной из благороднейших, но непомерно утомительных профессий – к врачам. И, не редко, от них слышишь разные истории из их медицинской жизни. Часто в такие истории поверить сложно, но, увы, поскольку юристы и врачи, по сути, работают почти с одним и тем же контингентом, то поверить в реальность той или иной истории не сложно. Так и тут.

Каждый лекарь, что имеет тяжкую долю трудиться в поликлиниках, сталкивается ежедневно с такими персонажами, у которых на лице написано немудреное выражение: «Я все сама (сам) знаю, а ты тупой, и я тебе расскажу как меня надо лечить». Чего греха таить, у нас юристов, такие персонажи тоже не редкость. И от таких докучливых и спесивых снобов – всезнаек мы стараемся избавиться любыми способами, вплоть до запрещенных. Условно-запрещенных. Но с врачами в поликлиниках этот номер не проходит. Они вроде как клятвой, какого-то там Гиппокрампа, связаны. Пришел больной – лечи.

И ведь самое противное у них, у врачей – горемык состоит в том, что эти «кадры» «прописываются» в поликлинике и ходят туда чуть ли не каждый день, как на работу. И тянут, и мотают твои нервы с завидным постоянством. С та-

ким, что к концу работы в поликлиническом отделении (врача), или к концу жизни такого «кадра», сия персона, приста- вуче-снобливая, наматывает себе на память у каждого врача воооот такой вот клубочек нервов. Со временем врачи об- растают здоровым (а порой и не очень) цинизмом и интел- лигентным пофигизмом, результатом которых могут быть и такие ситуации:

В славном граде Омске в районе улицы Заозёрной, жила некая дама постбальзаковского возраста, с, якобы, высшим образованием, и, даже, со степенью кандидата пороссячих на- ук, любившая проделывать операцию по наматыванию в клу- бочки нервов врачей себе в загашники. И вот однажды, так она усердно наматывала эти клубочки, так старалась, брюз- жала, гундела, ворчала, и истерила, что вывела из себя ува- жаемого доктора в годах. Ну как в годах, лет под семьдесят ему было. Но доктор (будем звать далее его доктор Р.), к сло- ву сказать, был сама обаятельность и вежливость. И специ- алист был высококласный: и как диагност, и как терапевт. Сразу видно старую школу. Пациенты его всегда (ну или по- чти всегда – как же без частично недовольных или тех, кому уже не помочь) были ему искренне благодарны. В результате доктор, долго слушавший монолог мадам о том, что кругом все воры, врачи – сволочи и неучи, хапуги и мерзавцы, и ни- кто лечить не умеет и не хочет, не выдержал. Правду гово- рят – бойся гнева терпеливого человека. Вначале он предло- жил ей посетить место с лингамом. Деликатно так. Чтоб не

оскорбить.

Мадам округлила очи, но не замолчала, продолжив уже озвученную ранее тематическую лекцию.

Осознав, что «сударыня» (именно так он к ней обращался) не поняла, что ей предложили, доктор уже с некоторым раздражением предложил ей уйти к пенису.

Мадам округлила очи до размера апельсинов, но лекции не прервала. Видимо, слово «пенис», как и слово «лингам», тетеньке было не знакомо.

По истечении третьей минуты бухтения, доктор не выдержал и откровенно послал её на х..ер (ну, вы поняли, куда он ее на самом деле послал) .

«Сударыня» в тот же момент, оскорбившись до глубин копчика, превратилась в злобную и смрадную фурию, и с визгливым воплем: «Я этого так не оставлю!», с низкого старта, рванула с жалобой к главному врачу.

Отпихнув секретаря и других посетителей, со словами «Этот урод за все поплатится!», мадам влетает в кабинет главврача, где состоялся примерно следующий диалог:

Фурия, не меняя интенсивности ультразвуковой атаки, на самых высоких нотах, на какие только была способна, выплевывает в лицо главврачу:

– У меня нет слов! Это просто возмутительно! Вы знаете, что ваш врач Р. себе позволил?!

Главный врач, посмотрев на мадам поверх очков, невозможно отвечает:

– Вы меня простите, но, зная этого врача как человека и специалиста, я абсолютно уверен, что доктор Р. ничего предосудительного сделать не мог. Это ж доктор Р.!

Любительница чужих клубочков нервов , захлебываясь от распирающей её злобы и запинаясь от захлёстывающих чувств, выпаливает на том же ультразвуке:

– Этот ваш Р... Он... Он... Он меня на х...ер послал!

Главврач, не прекращая смотреть на мадам поверх своих очков, медленно закипая, отвечает удивленно-возмущенно:

– И Вы решили, что это ЗДЕСЬ?!

Про каннибалов

Сажу за компьютером. Уже далеко за полночь, а я спать не хочу. Близится рассвет. Удивительно, как быстро у меня начался «час волка», и как долго он у меня длится. Включил телевизор... По новостям трещат о героизме врачей борющихся с коронавирусом. Не спорю, они герои. В основной своей массе – герои. Но они не только герои, но и в первую очередь люди. Человеки. Такие же, как и любой из нас. И тем обиднее становится, когда эти люди вынуждены терпеть издевательства «людей со светлыми лицами» или откровенного быдла, возомнившего себя пупом земли.

Вчера приходил ко мне мой знакомый Александр. Врач-дерматолог. В понедельник он уволился из поликлиники. По многим причинам. Мы сидели с ним долго, иногда опрокидывали по рюмашке чая, закусывая конфеткой и вафлями моего производства. Он мне рассказывал, что он уволился спокойно, после сложных двух месяцев полукарантинного режима. Сейчас можно. Он просто устал настолько, что волком вой. А когда он десять лет назад в «неотложке» пахал во время учебы и запомнил такую ситуацию (далее рассказ веду с его слов).

Из его бригады уволили врача. С треском. С грохотом. С волчьим билетом. За «нарушение, несоответствие и прочая, и прочая». Якобы.

Вот как он описал того врача: «Посмотришь на нее – ничего такого в ней нет. Симпатичная, тихая, спокойная женщина, только 35 разменяла, а все еще привлекательная. Интеллигентная, и вроде должна быть ранимой и нежной, да вот была крепкой, как кремень. Никогда не теряла присутствия духа и хладнокровия в любой критической ситуации. Но, вот тогда... она просто сорвалась. Довели...»

Лето 2010 года в Питере выдалось сложным. И в первую очередь из-за погоды. Июнь месяц отбомбил дождями в первую неделю и на том осадки завершились. И началось пекло. Днем до 40 градусов жары. В тени. Народ то в обморок, то в бессознанию валится. Вал вызовов. Острые приступы, сердца... вал внезапных смертей. Кого успевали – откачивали... А иногда просто шел человек – и бац, уже мертв. Сердце жары и духоты питерской не выдержало. Это днем. Да и ночью не лучше. Да еще и свалки мусорные горят – совсем «хорошо». Получите «подарочек» – тут уже астматики и чахоточники погибать стали. Что не день – то смерть от апное. В общем, в Питере был реальный ад.

И вот в середине июля бригада дежурит днем. Полсмены прошло – а уже все выжаты как лимоны. У самих врачей цветные круги в глазах появляются. А халявить низ-3-3-зя, ибо на «неотложку» в Питере последняя надежда у страждущих. И тут – вызов – в районе метро «Международная». Дом в 25 этажей. Забираться на 15 этаж. Лифт не пашет по причине выхода из строя в связи с жарой. В результате вся бри-

гада из машины чуть ли не рысью форсирует пешком. Забрались. Язык на плече, руки даже дрожат, в глазах опять цветные круги. Заходит бригада на этаж (ибо по черному ходу шли), а там «больная» лет сорока стоит у дверей, выставила перед собой свой понтофон и снимает нас. И при этом так бодро и задорно комментирует «Вот так у нас «скорая» на вызов торопится». И лыбится, гнида. А на лице... в общем лицо интеллектом не обезображено. Одно глумление, тупость и апломб.

Сдержались все, молча вошли. Усадили эту «мадаму», начали задавать вопросы: что болит, на что жалуется? Ну «мадама», вместо приветствия, вываливает на «неотложников» ушат дерьма, попутно сообщая, что живет одна, жалобы на здоровье имеет невероятные, но при этом ни единой внятной. Из всего разговора основная и любимая, повторенная на 99% вопросов: «плохо, чо непонятного?!». Задолбала!

В результате бригада застряла у этой дуры больше часа. А эта... сидит и консультации требует по всем имеющимся, включая экзотические, заболеваниям, обязательного расписывания лечения и рекомендаций аж до старости. Только соберется бригада уходить – а это «чудо» начинает бравировать фамилиями чиновников и прочих шапочно знакомых фсбшников, которым при отказе тут же будет отзвон. Блин, какой-то вампир. В итоге ушли абсолютно вымотанные и убитые.

Только спустились – следующий вызов. В другой конец

района. Согласно записи: «потеряла сознание, не дышит».

Несется «неотложка» через пробки. По жаре. По духоте. Влетает во двор «сталинки», а там толпа народа, не проехать не пройти. Но врачей пропустили быстро. Не успели... на земле лежит труп сухонькой старушки. Лицо синее, глаза багровые – черт его знает, может, инсульт, а может еще чего, уже не сказать. Ибо по такой погоде любая болячка может стать причиной смерти. Не успела бригада из машины выйти, как на нее набрасывается дочь усопшей. И в волосы вцепляется кому-то из мужиков, и плюется, как верблюд. И помоями поливают (фигурально, хотя могли запросто натурально дерьмом облить). Толпа нагрета и готова «неотложку» растерзать. А за что?

Но делать нечего, вызывают труповозку и оформляют документы. Через час закончили, думали отдохнут немного, чтоб хотя бы не так тяжело было. А хрен-то там! Только отпустили с этого вызова— на-те вам хрюшку: повтор на тот же адрес, к предыдущей тетке, диспетчер по телефону «жалуется на качество помощи».

Едут. Все матерятся, кроме врача. Она сидит и так странно молчит. И желваки по лицу гоняет.

Снова на 15 этаж на пешкарусах, снова эта «мадама» с телефоном. Да не одна. Уже с подругой, такой же не обезображенной. Стоят и в голос обсуждают бригаду: мол ну и торопливость, нерадивость и безалаберность у вас, пилюлькины.

Уже в полубморочном состоянии Александр задает во-

прос: «Какой у вас повод к вызову?». А эта... с ушами (крепко он ее приложил в нашей беседе), лыбиться и через губу бросает: «Да вашу бумажку я куда-то задевала, где вы назначения писали – напишите еще одну».

Тут врач, тихая, милейшая женщина, делает шаг вперед и с размаху ей по роже. Кулаком. В носогубную складку. И на весь подъезд раздается ее истошный крик: «Да пошшшшла ты, с...ка!». И еще раз кулаком, и еще! И в тоже место. Чтоб вы знали, если со всего маха в носогубную складку заехать – то человека можно с одного удара вырубить. Эта «мадама» аж отлетела и рухнула к своей двери. Так бригада врача еле оттащила. Потом привели ту дуру в чувство, выписали ей слабительное, влили в нее касторки столовую ложку и побыстрому спылили.

Но вот без последствий то не прошло...

Знакомые чиновники у той дуры, оказывается, действительно были. И реально знакомыми.

На следующий день звонками замучили, все угрожали, сволочи. В общем, чтоб конфликт не раздувать врача уволили по статье, без права работы в «неотложке» вообще.

– И знаешь, – сказал Александр, – она, тогда уходя, криво так улыбнулась и сказала, что черт с ними, с этими начальниками и чиновниками, равно как и с этой дурой. Что, мол, работа, где с убийцами и людоедами надо сюсюкаться, а не морду бить ногами – не для неё. И вот так мне это запало в душу, что я долго задумывался над её словами. А ведь, и,

верно, та «мадама» настоящая людоедка и убийца. Не было бы ее вызова, ее кривляния, распальцовки – мы бы тогда реально смогли спасти ту бабушку. И к многим другим бабушкам, чьи жизни сожрали вот такие вот мадамы».

И я задумался... Ведь прав та Врач! И Саша прав! Ведь такие «мадамы» разных возрастов по сию пору живут, в ус не дуют. И «неотложку» вызывают. Ради забавы и на потеху своему быдлогопническому эго. Смотрят на врачей своими лицами, не обезображенными интеллектом, своими каннибальскими глазками. Глумятся. И отнимают ради своего быдлоэго жизни у тех, кому помощь действительно нужна. Пожирают их, как молох...

И они так любят толковать про «врачей-убийц»: вот уж ирония судьбы... надо же... как забавно...

Спасение улетающих

На дворе лето. Хорошо. Авиашоу? Замечательно! Главное, чтоб все было в тему и синхронно.

Техник команды «Небесные ирокезы» Семеныч, проводив в старенький АН-2М последнюю партию спортсменов в их ярких комбинезонах, решил, что можно наконец расслабиться. А почему бы и не расслабиться? Ведь техника работает, почти как часики, претензий со стороны спортсменов нет, форменной одеждой обеспечен, при работе и при зарплате. Живи и радуйся.

Он зашел в ветхий сарайчик в 12 кубических метра объемом, расположенный на краю летного поля, в котором складировалось всякое ненужное барахло, аккуратно прикрыл дверь, дернул щеколдой, преграждая путь непрошенным гостям, достал из-под ящика с остатками порванных парашютов три топора, и, обтерев руки о свой ярко-желтый как и у всей команды комбинезон, принялся нарезать свежие, ароматные сладкие казахстанские помидоры, которые по случаю ему привез один родич. Солонка в виде двухсотграммовой банки стояла тут же. А в ящике с останками парашютов лежала на всякий случай палочка казы.

А тем временем авиашоу продолжалось. Вот показательные выступления летчиков вертолетчиков. Вот конкуренты «ирокезов» сделали звездочку из 40 человек. А затем,

под радостное улюлюкание толпы разорвали фигуру и спустились с дымовухами в... ногах. Затем прыгали десантники, стреляя холостыми во все стороны. А приземлившись – изображали жуткое месилово с воображаемым врагом. И много, много чего еще. И вот наступило время выступления «ирокезов». И фигуры, и индивидуальные, и групповые прыжки. Но, последним номером показательной программы спортсменов был трюк под названием «Спасение в воздухе».

Согласно сценарию, из самолета выбрасывается чучело в комбинезоне, имитирующее то ли выпавшего по дороге пассажира, то ли парашютиста с неисправным парашютом. (ну, ну... «Под крылом самолета о чём то поет, упавший за борт пассажир...»). Вслед за «горе пассажиром» прыгает спортсмен, догоняет это чучело в воздухе, обнимает, нежно и крепко, почти как девушку, раскрывает свой парашют и оба приземляются. Толпа в восторге, неистовствует и купает в овациях спортсмена.

Зрители, собравшиеся на летном поле, с удовольствием наблюдали за трюками авиаторов, заедая зрелище шашлыками, донёрами, прочим фастфудом, и запивая прохладительными и не очень напитками. И вот, наконец, финальный номер.

От самолета отделяется человек и летит к земле. Спустя пять секунд, следом выпрыгивает другой и, вытянувшись в струнку, несется следом за первым, который машет руками и ногами, неловко падая и приближаясь к земле. Кто-то

вскрикнул, толпа замирает. Я бы даже сказал, что замерзает. Но второй парашютист мастерски настигает первого, хватается за руку и готовится обнять. Но в это время, то ли порыв ветра, то ли еще какая причина разрывает спортсменов.

Все, времени на выпендреж больше нет. Сейчас надо свою жизнь спасти, исключить, так сказать воздушный инцидент. А по сему, второй спортсмен, помахав на прощание рукой товарищу, раскрывает парашют и начинает плавное снижение к поверхности земли.

Но вот есть одна закавыка: дело в том, что народ, тот, что стоит на земле и наблюдает снизу на все это безобразие в небе, и не подозревающий о подвохе, цепенеет как кролик перед удавом.

А меж тем, тело, не имеющее парашюта, стремительно приближается к земле. Уже кажется, что оно преодолело звуковой барьер, и явственно был слышен хлопок преодоления этого барьера. Только это немного иное: просто тело сие на огромной скорости врезается в ветхий сарай на окраине аэродрома.

Грохот, тучи пыли, обломков шифера и ветхих досок взметнулись в месте сарая. Сарайчик не просто разнесло. Его разметало! Как при попадании настоящей бомбы.

Народ в шоке и спешит на помощь пострадавшему! Ско-рая помощь, включив сирену мчится к месту трагедии, не очень-то рассчитывая кому-нибудь помочь. Просто, хотя бы соскresti то, что осталось от незадачливого любителя поле-

тать. Следом бегут зрители, крича, что надо разбирать завалы.

Но добежав до того места где была сараюшка, все в нерешительности замирают, ибо не знают как поступать в таких случаях. Их взору явилась большая куча досок, над которой вьется густое облако пыли. Внезапно доски начинают шевелиться. Особо впечатлительные дамы визжат и падают в обморок. А из-под останков сараюшки выползает Семеныч, в своем ярко-желтом, залитом портвейном и заляпанном помидорами летном комбинезоне, ошалело озирается и изрыгая проклятия на всех языках, какие знает, и даже на тех, какие не знает, поливая всех даже не трех этажным, а виртуозным десятиэтажным матом, машет кулаком удаляющемуся самолету, вопит на всё летное поле:

– Спасатели хреновы. Не можешь поймать – не смехи людей! И карасиков не пугай! Больше я у вас, мерзавцев....., не работаю...

Завершив сию тираду, Семеныч зыркнул на собравшуюся толпу и зарделся. Врач скорой помощи ойкнула, закатила глазки... и упала в обморок.

Шок

Если у тебя есть в доме питомец, которого ты вырастил с щенячьего (котёночьего) возраста, то ты относишься к этому живому существу по-другому. Потому что он для тебя не питомец, а член семьи. И его бедки, беды и бедаши, равно как и радости ты воспринимаешь как свои собственные.

У меня спаниель. Нет, не какой-то там кавалер или декоративный, с длинной и запутанной родословной. Он породистый. Настоящий спаниель. Но с дефектом. А мне было плевать, когда я его забирал, что у него там какой-то дефект, который не дает ему права участвовать в выставках. Мне нужен был друг и любимец, а не средство зарабатывания жестяных кругляшек.

И вот представьте себе такой мохнатый комок черного цвета с белой мордой, на которой застыло выражение строгого учителя. Который вот так возьмет и скажет: «Ай-ай-ай, мой дорогой! Почему уроки не сделал?»

Пять лет ему. Он доволен жизнью, немного своенравен, порой вреднючка такая, что хоть туши свет. Но любимый. И той же монетой платит тебе.

И тут надо такому случиться: заболели у нашего Джека ушки. Где, когда его просвистело – никто не знает, но понимают, что надо лечить эти ушки, чтоб песик наш был весел и радовал нас как можно дольше.

Ветеринар сказал, что ничего страшного. Прописал две недели осмотра, и уколы каждые три дня в течение месяца.

И вот месяц близится к концу. Мы идем к ветеринару за очередной порцией лекарства в вертлявую попу, и ушки нас почти не тревожат. На улице благодать, все цветет и пахнет. Народу на улице из-за самоизоляции немного, а те что есть, идут неспешно и с достоинством, и чуть ли не раскланиваются каждому встречному. Будь на них шляпа – точно бы приподнимали в знак приветствия. Джек наслаждается солнышком, весенним ветерком и теплой погодой. Дай ему волю, устроил бы ходьбу и на передних, и на задних лапах.

И вот в таком радужном настроении мы являемся к ветеринару. А там нашему Джеку совсем счастья привалило. Ибо он увидел ЕЁ! Да! Там была девочка той же породы, что и сам Джек! Сразу слюни до пола, хвост вентилятором, игры в прятки и догоняшки в ограниченном пространстве. Морда масляная, приторно сладкая, того гляди, сейчас патокой по полу растечется. И всё до тех пор, пока эту девочку не отвели в кабинет ветеринара.

Наш Джекушка, видя, как уводят объект его желаний, с досады и разочарования сел на попу, погрузился и вздохнул так, что даже людям стало грустно. Смотришь на его серьезно-грустную мордашу, и чувствуешь, что еще чуть-чуть и заплачет наш мальчик. И ты с ним на пару.

Время идет, мы ждем своей очереди, Джек грустит, хотя по истечении пятнадцати минут уже не так глобально. Он

просто грустит. Стоически. С чувством собственного достоинства.

И вот, спустя полчаса отворяются двери кабинета и из него выходит вначале хозяйка той девочки, а за ней остриженная почти налысо сама девочка.

Что тут случилось с нашим Джеком! Челюсть натурально отвисла. Глаза в полморды. В глазах нешуточный ужас. Поскуливает, жалобно так. Передними лапами засучил. И на попе едет назад, отодвигаясь от этого ужаса.

А девочка... Увидев Джека, она бросилась с радостным лаем к нему. Наш песик от испуга подскочил на полметра из положения сидя на попе, в прыжке развернулся и рванул от лысой подружки, оглашая окрестности воплем ужаса.

И вот этот забег длился до тех пор, пока она его в угол не загнала. Бедный Джекушка в угол вжался, в комочек маленький пытается свернуться. Дрожит. Зажмурился сильно-сильно. И уже не скулит, даже не воет. А пищит от ужаса. Народ вповалку от смеха. А хозяйка той девочки хохочет, и говорит сквозь смех, мол, замучились они подстригать свою питомицу, и вот на лето решили (по согласованию с ветеринаром) остричь ее покороче. Ну ведь никто же не предполагал, что в тот же день и мы – я с Джеком, к этому же ветеринару заявимся.

А девочка посмотрела удивленно на Джека, грустно вздохнула и потрусила к хозяйке. На том они и отчалили.

А тем временем пришла наша очередь идти на процедуры.

Я говорю: «Пойдем, Джек». А он всеми лапами уперся. Я тащу его, а он едет на попе и скулит, мол, хозяин не веди ты меня туда на пытки адовы. И так же жалобно он выл, что из кабинета сам ветеринар вышел посмотреть, что за оказия такая в приемной. А как увидел, так и рассмеялся. С трудом мы Джека в кабинет затащили. Он туда въехал на попе, всеми лапами упираясь в кафельный пол и зажмурившись сильно – сильно

Евклид за рулем

Еду сегодня в маршрутке по делам. Каким? Судебным, но это не важно. На очередной остановке в салон вваливается парнишка лет семнадцати и спрашивает у водителя:

– До Среднеохтинского доеду?

Водитель (к слову – яркий представитель народов Кавказа – типаж просто песня. Не "Сулико". А что -то мужественно – веселое) отвечает:

– Параллэльно едем.

Парень, жертва ЕГЭ, уточняет:

– То есть пересекаем?

Водитель:

– Параллэльно, в эвклидовом понимании!..

Иди ко мне!

Так получилось, что в середине 90-х годов, мой братишка перевелся из подмосковной части в Новосибирск.

Жил он, конечно же, у нас, то есть у родителей. А если быть еще более точным – в одной комнате со мной.

Родичей в Новосибирске у нас достатком. И живут они в разных частях города. Одно и спасало – метро. Но метро в Новосибе не большое. По сравнению с московским или питерским – микроскопическое, даже сейчас. А тогда нужно было еще и пройтись до ближайшей станции минут, эдак, 15. Наша тетушка (дай Бог ей здоровья) часто гостила у нас. И, как правило, засиживалась. В результате мы, вдвоем или в одиночку, провожали тетушку до метро.

Одним летним днем, кажется это было в середине августа, мы пошли провожать тетушку вдвоем. Было около 11 вечера, но уже темнело быстро. Довели тетушку до станции, попрощались и неспешно двинулись домой. Путь наш лежал через двор одного дома на улице Гоголя, поскольку мы таким образом срезали значительную часть пути и оказывались дома несколько быстрее, нежели мы шли вдоль по Гоголя. Но чтоб попасть в этот двор и пересечь его, нужно было пройти через арку, которая не освещалась никак. Нет, на самой улице Гоголя освещение было. Все-таки дорога, проезжая часть. А вот свернешь во дворы – всё, свет закончился. Местные гоп-

ники и «прихватизаторы» либо били лампочки, либо воровали. Во дворе спасал только свет из окон квартир. Не светло, но и не скажешь, что темень, хоть глаз коли.

Вот мы пересекли с братом улицу Семьи Шамшиных и приближаемся к арке. О чем – то говорим отвлеченном. Видим, в проеме арки силуэт девушки (силуэт, кстати, нам понравился). Зашли мы в эту арку. По повороту головы понимаем, что она смотрит на нас. Ну смотрит, и смотрит – нам то что. За погляд денег не берут. И тут девушка таким нежным и тихим голосом вдруг произносит: «Иди ко мне». Даже в этой полутемноте было видно, как у нас у обоих отвисли челюсти от неожиданности. Кому это она? Мне или брату? Или обоим сразу? Страстная девица, просто офигеть. Мы притормозили слегка. Я хотел было спросить, кому она это, как из-за поворота, из-за угла арки вылетает чудовищных размеров псина (кажется датский дог). Ни дать, ни взять – песик Баскервилей. Только морда не светится.

Честно говоря, мы встали как вкопанные, и пока эта сладкая парочка мимо не прошествовала, с места не трогались. А когда отошли – хохотали и хихикали как сумасшедшие.

«Иди ко мне!»

Облом-с

Сама эта история произошла без моего присутствия и восстановлена из рассказа бывшего сотрудника таксопарка № 5 города Новосибирска. Дядя Лёня, жил в нашем подъезде долгое время и незадолго, как я покинул родные пенаты, он покинул сей бренный мир. Был он человеком веселым, не то чтобы словоохотливым, но, во-первых, если говорил, то говорил по делу, четко и ясно, а, во-вторых, если что то вспоминал и рассказывал, то всегда рассказывать умел так, что потом или от смеха живот болел, или ты рыдал от сочувствия к главному герою повествования. Поэтому, рассказ я цитирую уже по памяти и с чужих слов. То, что это была, мне подтвердили еще несколько старых таксистов – коллег дяди Лёни.

Итак, зима 1988 года выдалась в Новосибирске очень холодной. Холоднее была только зима 2006, когда дневная температура более двух месяцев держалась на уровне минус 38 – 42 градуса. Перестройка еще только входила в фазу своего загибания и не было еще таких глобальных проблем, как в девяностые годы.

Температура днем стояла около минус 28, а вечером уже понижалась до минус 39. Если днем доехать куда-то можно было на рейсовом ЛиАЗике, трамвайчике или троллейбусе, то после 20 часов куда-то уехать по городу было осложни-

тельно. Не спасало и уже работавшее на тот момент метро. Маленькое оно было тогда.

Особенно тяжело было добираться в Академгородок. На автобусе от остановки «ЦУМ» до Морского проспекта можно было доехать за 40 – 60 минут, в зависимости от дорожной обстановки. После восьми вечера единственным спасением для желавших уехать в Академ было такси. Четыре – пять машин всегда дежурили на остановке «ЦУМ». Мало кто из таксистов тогда рисковал требовать сумму более полуторного счетчика – то есть, десять рублей. Но был среди работников пятого парка один рвач. Он дожидался, когда все коллеги уедут и стоял ждал клиента. И потом начинал куролесить. Минимальная сумма, за которую он соглашался везти клиентов составляла тридцать пять рублей. С точки зрения нормального работника баранки и газа – это уже борзость и наглость. И вот однажды, следуя своему излюбленному приему, он дождался отбытия всех коллег, и стоит ждет. Точнее, он сидит в машине, попивает чаек, покуривает и высматривает потенциальную жертву. Примерно в половине двенадцатого задняя дверь машины открывается и замерзший голос, посредством не менее замёрзшей челюсти и замороженного языка вопрошает: «До Морского проспекта довезешь?» Водила, не оборачиваясь, бросает: «Тридцать пять и будет все чики-пуки!»

Потенциальный клиент делает круглые очи, только что поставленная в салон нога убирается, и дверь с грохотом за-

крывается. Ибо сказать что-то сей замерзший был не в состоянии. Состояние речевого аппарата – смотри выше.

А водила, не обернувшись, и посчитав, что клиент сел и дал «добро» на грабеж за поездку, врубает с места третью скорость и несется в академ.

Вот он пролетел световые часы-термометр, на которых отразилась температура в минус тридцать пять. Вот пролетел по Бердскому шоссе мимо разъезда Иня, Звездной, РМЗ, вылетел к Матвеевке и Сеятелю. Не сбавляя скорости, делает ледяной дрифт на кольце перед въездом в Академгородок и влетает на проспект Строителей. А оттуда – по проспекту Академика Лаврентьева до Морского – рукой подать. Авто подлетает к Дому ученых, лихо тормозит. Водила, не обращившись, протягивает руку за «обещанной» платой. Но в руку ничего не кладется. Водила делает нетерпеливый жест, сжимая – разжимая длань. Мол, гони, что обещал. Но в салоне тишина. И тут водила решается развернуться и посмотреть, не околел ли клиент. Как рассказывал дядя Лёня, количество отборного мата на один квадратный миллиметр салона стандартного авто «Волга-такси» зашкаливало за разумные пределы. Еще одним проколом водилы была неисправная трубка рации связи с диспетчером. Он не просто матерился, оглашая окрестности настолько суровыми ругательствами, что уши кровоточили, он проклинал клиента, одурачившего его на хорошую сумму. И сумму эту называл.

А утром его вызвало начальство на коврик. Вот тогда его

и поймали с поличным. Спустя еще два дня он подал заявление «по-собственному».

Как сказал тогда дядя Лёня, «мораль сей были такова: не жадничай, не наглей, и, главное, не матерись в прямом эфире»

Поможешь?

Кто бы что не говорил, но девяностые годы двадцатого века, несмотря на всю их лихость, были и весьма веселыми. Они подарили нам таких колоритных персонажей как «новые русские», «крутые» и «фифочки». Вот с такими персонажами и связана следующая история.

В 1996 году во дворе здания по Вокзальной магистрали за номером 16, в славном граде Новосибирске, произошло занятное происшествие. Не знаю как сейчас, но стоит сказать, что в том дворе в те годы имелся очень узкий проезд – с трудом разъезжаются две легковые машины. В одну сторону сей проезд уходил на улицу Советскую, а вот в другую – заканчивается тупиком. Вдоль всей этой, с позволения сказать, кишки (там где – то метров сто пятьдесят-двести было) офисы, пандусы и прочие двери, и, конечно же, припаркованные машины. Следовательно, там действовало правило – въехал! места нет? быстро выгружай, высаживай и улепётывай как можно скорее... не создавая пробку.

Но вот в том и проблема, что за долгое время (включая советское) дорога, как бы это помягче сказать... развалилась. От слова «совсем». То есть, «совсем-совсем».

И вот руководство компании, владевшей этим зданием, принимает, наконец-то, волевое решение объединить капиталы постоянных пользователей этой дороги и, как выра-

зился администратор, «всемирным колхозом» дорогу заасфальтировать. Постоянные арендаторы не сильно сопротивлялись, а вот мелкие лавочники и всякие мелкие конторки кочевряжились. Однако после слов: «Нет участия – нет доступа, даже пешком», все вопросы были урегулированы быстро и недовольство улеглось. Как говорится, сбор прошел в добровольно-принудительном порядке. Помимо всего прочего, промеж себя участники этого действия договорились, что на период ремонта дорожки они машины парковать не будут, и охранникам крепко-накрепко наказали, чтобы всех пришлых гоняли, не взирая на лица, морды, рожи и «харизмы», а также иные части тела, свидетельства статуса или чего-то еще.

Но, не мне объяснять вам, дорогие читатели, что в каждом случае найдется какая-нибудь «одаренная» личность, которая считает, что все правила и запреты не для нее. Так и тут: в один прекрасный день в «кишку» въезжает нечто, которую в те времена называли (равно как и аналогичные экземпляры) «фифами». Это нечто, с паклей платинового цвета, с ярко окрашенными варениками уточкой (вместо губ), в дорожной, но безвкусно подобранной одежде, влезает на мерине "S" класса ни разу не старом, как раз туда, где начались ремонтные работы. То есть, туда, где совсем недавно сняли все остатки того, что когда-то было асфальтом. Знак, что стоял на въезде во двор, эта фифа усиленно проигнорировала. Знаки и запреты, так сказать, энто для плебеев. А мы – «ан-

пираторских» кровей.

Въехав в «тупиковую» сторону фифа останавливается поперек всей дороги. Вытащив из отсека для водителя жутко длинные, но не менее жутко тощие ножки, она с понтом закрывает машину и, гордо подняв голову и обливая всех окружающих презрением и высокомерным выражением того, что у людей называется, лица, направляется в здание. Видя безобразие на вверенной ему территории, памятуя о строгом наказе концессионеров по строительству дороги, к ней подошел охранник и вполне корректно, избегая резких, крепких и суровых выражений, сказал, что не стоит машину здесь ставить. Ибо тут дорогу делать будут и сейчас щебень привезут.

Как писал Иван Андреевич Крылов, на приветливы охранника слова, «ворона каркнула во все воронье горло», сиречь доблестный страж был торжественно послан. Многократно. Образно, но однообразно: сказывался малый словарный запас. Страж, однако, на это даже не обиделся. Меж тем, платиновая фифа, исчезнув во чреве здания, пробыла там достаточно долго. Но когда она вышла, то увидела следующую картину...

Восемь куч щебня, примерно по 13 тонн каждая, были насыпаны от ее машины и до самого выезда из двора в шахматном порядке, исключая даже слабенькую мысль о том, что отсюда можно выехать. У всех, кто наблюдал «приезд фифы» возникло обоснованное подозрение, что это охранник подсуетился. При этом из окон офисов уже свисали истериче-

ски ржущие работники, включая и руководство этих работников.

Визг фифы был пронзителен, а фантазия безгранична... Словарный запас, несмотря на всю его скудность, компенсировался жуткой агрессией и своеобразной, весьма специфической, образностью мышления.

Судя по излагаемому матом, здесь в течение трех минут должны будут материализоваться из воздуха «быки» с Первомайки, в количестве уж никак не меньше чем с 2-ой Украинский фронт, которые сделают с охранником, тем кто насыпал эти кучи, а также всеми, кто смотрит из окон на этот «спектакль» что-то такое... (приводить полный текст речи фифы не буду, ибо от него можно заработать инфаркт).

Не переставая тараторить и повизгивать, эта мамзель совершает громадную ошибку. Она демонстративно достает сотовый телефон (если кто помнит – были такие от пчелиной компании, здоровые такие). Набирает номер. И давясь слезами, вкратце рассказывает абоненту на том конце провода суть проблемы... Ожидая праведного гнева благоверного, предвкушая близость кары для непокорных и дюже вредных холопов, она переводит телефон в режим громкой связи... дабы окружающие, да убоялись...

Когда мамзель, наконец -то, выдохлась, она задала закономерный вопрос: «Зая, ты мне поможешь?»

На том конце провода молчали... После небольшой паузы из телефона устало-обреченным голосом раздаётся:

«Стой там! Сейчас я привезу тебе лопату!»

Суровая баба

Случилось зимой, где-то в середине девяностых.

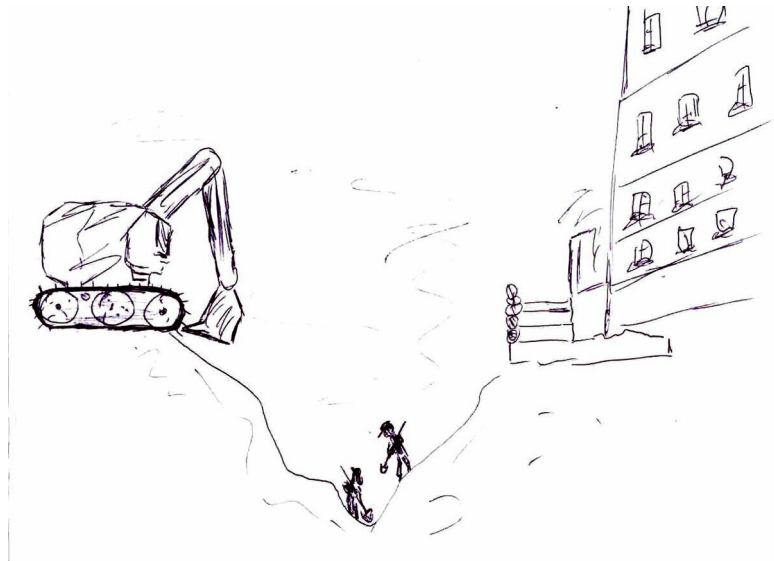
Зима в Новосибирске выдалась как всегда снежная. То-то радости ребятне: и на санках покататься, и в снежки поиграть, и крепость снежную сделать, и лыжи, и коньки. И, конечно, бабу снежную слепить.

Как-то раз, ребяташки слепили снежную бабу. Прямо посреди дороги. А дорожка та как раз меж двух домов по улице Ипподромской пролегалла. Пешеходная она была. Лепили-лепили, и вот, наконец, слепили. Казалось бы, что тут такого – дети играют, никому не мешают. Но не стоит забывать, что на дворе середина девяностых. И очень многие плевали на многие правила. В том числе и в части, запрета проезда на авто по пешеходной дорожке. И вот подлетает к тому месту, где снежная баба джип. Свернул, стало быть, он с дороги на пешеходку. И оттуда высовывается «брателло» и начинает, помогая себе козами и прочими фигурами распальцовки, объяснять детям кто они такие, построив ЭТО посреди дороги и, используя обценную лексику, "просит" их это сейчас же убрать. Проехать, значит, возжелал. Ну, его, конечно, понять можно, ибо объехать сие творение очень осложнительно, поскольку с каждой стороны дорожки широченные и относительно глубокие сливные арыки – для отвода талой и дождевой воды. Попадешь туда – хрен выпол-

зешь. Плавали – знаем. Точнее, видали.

Итак, «брателло» разоряется, а дети, перепуганные такими "ласковыми просьбами", естественно, разбегаются, оставляя машину в гордом одиночестве перед знойной женщиной. «Брателло», решив отомстить таким непочтительным чадам и отрокам, принимает вполне логичное решение. Он отъезжает метров на пятнадцать, разгоняется и сносит эту бабу... Стоп! Если быть до конца точным, то он попытался снести бабу. Но, увы, сие скверное действие он совершить не смог, так как сам вылетел через лобовое стекло, оставив раскуроченную машину на металлолом. Оказалось, дети построили снежную бабу вокруг газового баллона, врытого в землю, чтобы не проезжали машины. Вот вам и доказательство слов классика о том, что "...есть женщины в русских селеньях", которые "...коня на скаку остановят". И «быка» тоже...

Клад старого куркуля

Новосибирск... Славный город. Интересный и в чем-то необычный. Вот скажите мне, пожалуйста, как, согласно правилам русского языка, будет называться улица, находящаяся рядом с ипподромом? Правильно, ипподромная. Но не в Новосибирске. Она тут Ипподромская. И это в самом

центре города. Откуда в центре города появился ипподром, которого уже нет? А вот откуда: Еще в начале XX века жители Новониколаевска неоднократно подавали жалобы местному начальству на местных, а также заезжих коневладельцев, которые устраивали бега и скачки прямо на городских улицах, с целью выяснить – чья лошадь быстрее. Делалось все это стихийно и предугадать, где и когда пронесутся в беговых экипажах азартные хозяева кровных рысаков, не было никакой возможности. Народ в лучшем случае пугался, в худшем – попадал под копыта или колеса. Рассмотрев многочисленные жалобы, градоначальство наконец приняло решение об открытии первого городского ипподрома. На учредительном собрании Новониколаевского общества любителей конного бега и скачек, 12 января 1903 года, было подписано соответствующее разрешение. С этого дня полицией запрещалась быстрая езда по улицам города. А для этих нужд выделялось совершенно бесплатно место для скачек: зимой на льду Оби, а летом на поле у Татарской слободы, недалеко от местного кладбища. А в 1962 году ипподром перенесли на тогдашние выселки в Ленинский район города. А вот улица осталась. И жили там люди в частных домах. Даром, что Татарская слобода. Жили, не тужили, пока не настал 1980 год. Огорошил их Иван Палыч Севостьянов, тогдашний глава горисполкома, тем, что принял очередной план развития города. А согласно тому плану, должна пройти по улице Ипподромской и прочим улицам, переулкам и

перекресткам лихая магистраль, которая соединит Богдашку с Большевистской. В те времена все было много проще чем сейчас – партия сказала «Надо!», народ – взял под козырёк и рывкнул – «С превеликим нашим!»

И начали выезжать граждане. Дома пустели. А веселые работники их разбирали и зачищали площадки под строительство. К середине 1986 года вся Ипподромская была свободна от проживавших там граждан. И началось великое строительство. Первым делом необходимо было вырыть гигантский котлован. По осени того года насыпали по всей территории угля и подожгли его – мол, пусть земля оттаивает. Поздней весной нагнали три экскаватора, и работа пошла. А надо сказать, что к тому моменту по обе стороны от Ипподромской уже были построены высотные дома (типовые десятиэтажки) и граждане, проживающие там могли наблюдать как «кипит» работа землекопов. И вот в один из дней теплого лета 1987 года, утром, часиков в 10 жители дома по адресу Ипподромская 34, из тех, чьи окна выходят как раз на место выкапывания котлована, имели удовольствие наблюдать презанятнейшую картинку.

Представьте себе стоящий без дела экскаватор, небольшую ямку (примерно в 3 метра диаметром и полтора в глубину) и двух «землекопов», которые отчаянно, с остервенением рыли землю лопатами. Работали они слаженно, спорно, так самозабвенно, что за не полный час они расширили ямку до 10 метров в диаметре и углубились более чем на три мет-

ра. Меж тем народ стал собираться и интересоваться, откуда у двух прожжённых экскаваторщиков такой трудовой раж? Причем в рамках ручного труда, а не механизированного. Но эти два работника лопаты упрямо молчали, и стиснув зубы, продолжали свой нелегкий труд. Ближе к обеду ситуация прояснилась, когда на площадку приехала милицейская машина.

Оказывается, в доме, площадку под которым стали раскапывать в тот день, жил некий дед. Был он из тех дедов, которых зовут куркулями. Имел он, помимо всего прочего, побочный заработок, который, если судить по рассказам местных жителей, был много больше того, какой он получал на заводе редких металлов (он кстати там же, рядышком был). Но не шиковал, не барствовал, да и особо своими богатствами не светил. Раз десять, говорят его проверяли, но так ничего и не находили – ни денег, ни ценностей. Хотя нет, единственная ценность была у него – велик военных лет. Незадолго до выселения граждан с территории под котлован помер тот дед. Дети его даже не приезжали туда, в родительский дом, а похоронили отца, попрощавшись с покойным в квартире сына.

И вот когда начали раскапывать эту площадку, землекопы явственно услышали какой-то «звук» и вдруг увидели, как из ковша вместе с землей вываливаются десятки и пятерки. От такого у них брови поползли вверх, грозя испортить отсутствующую прическу (по причине бритости голов). Они бро-

силы экскаватор, схватили лопаты и давай трудиться как их предки. В результате, помимо разбитых двух, откопали еще пять банок. Из них три были заполнены трешками, одна пятирублевыми купюрами, и еще одна – советскими бумажными червонцами. Милицию они вызвали сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.